

УДК: 339.9:338.24(575.1)

ББК: 65.5

JEL: F01, F02, O53

**Современные мировые политико-экономические процессы и их влияние на экономику
Республики Узбекистан**

Остонов Эгамберди, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
Каршинский государственный университет

Адрес: Республика Узбекистан, 180119, Кашкадарьинская область, Карши, улица Кучабог, 17

E-mail: ostonov1948@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0001-2973-7167>

Аннотация. В статье рассматриваются, по каким каналам глобальные политико-экономические сдвиги — геоэкономическая фрагментация, торговые и санкционные ограничения, энергетические шоки на Ближнем Востоке, технологический инвестиционный цикл — передаются в экономику Узбекистана. Цель исследования — количественно оценить масштаб этих воздействий и определить, какие из них усиливают, а какие ослабляют устойчивость национальной экономики. Использованы сравнительный анализ, расчёт относительных показателей и сопоставление каналов трансмиссии по данным МВФ, ЕБРР, Национального комитета по статистике, Центрального банка и Министерства инвестиций, промышленности и торговли за 2022 г. — первое полугодие 2026 г. Установлено, что в 2025 г. рост реального ВВП страны составил 7,7 % при мировом росте около 3,3 %, а в первом полугодии 2026 г. ускорился до 8,5 %, несмотря на понижение мирового прогноза до 3,0 %. Опорой роста выступили денежные переводы (18,9 млрд долл., около 12,8 % ВВП), иностранные инвестиции (43,1 млрд долл.) и высокие цены на золото. Одновременно выявлены уязвимости: концентрация переводов на одном направлении (около 78 % в первом полугодии 2025 г.), риск перегрева и замедления дезинфляции. Предложен набор мер по диверсификации внешних связей и повышению сложности экспорта.

Ключевые слова: мировая экономика, иностранные инвестиции, диверсификация, инфляция

UDC 339.9:338.24(575.1)

BBK 65.5

JEL: F01, F02, O53

**Contemporary Global Political and Economic Processes and their Impact on the Economy
of Republic of Uzbekistan**

Egamberdi Ostonov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of Department of Economics, Karshi State University

Address: 17 Kuchabog Street, Karshi, Kashkadarya Region, 180119, Republic of Uzbekistan

E-mail: ostonov1948@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0001-2973-7167>

Abstract. The article examines the channels through which global political and economic shifts — geoeconomic fragmentation, trade and sanctions restrictions, the Middle East energy shock and the technology investment cycle — are transmitted to the economy of Uzbekistan. The aim is to quantify the scale of these effects and to identify which of them strengthen and which weaken national resilience. The study applies comparative analysis, ratio calculations and a transmission-channel comparison based on data from the IMF, the EBRD, the National Statistics Committee, the Central Bank and the Ministry of Investment, Industry and Trade for 2022 to the first half of 2026. Real GDP

grew by 7,7 % in 2025 against roughly 3,3 % worldwide, and accelerated to 8,5 % in the first half of 2026 even as the IMF cut its global forecast to 3,0 %. Growth was underpinned by remittances (\$18,9 billion, about 12,8 % of GDP), foreign investment (\$43,1 billion) and high gold prices. At the same time, the analysis reveals vulnerabilities: a heavy concentration of remittances on a single corridor (about 78% in the first half of 2025), a risk of overheating and slower disinflation. The paper proposes measures to diversify external linkages and raise export complexity.

Keywords: global economy, foreign investment, diversification, inflation

Введение / Introduction

Последние пять лет заметно изменили представление о том, как устроена мировая экономика. Модель, в которой торговля и капитал двигались туда, где дешевле и эффективнее, уступает место логике безопасности: страны всё чаще выбирают не самого выгодного, а самого надёжного партнёра. В литературе это явление получило название геоэкономической фрагментации. Специалисты МВФ показывают, что дробление мировой торговли на блоки способно стоить мировому производству от 0,2 % до 7 % в зависимости от глубины разрыва, причём сильнее всего страдают небольшие открытые экономики [1]. Эмпирические работы подтверждают, что торговые и инвестиционные потоки уже начали перестраиваться вдоль геополитических линий [2]. Растёт и сама неопределённость: индекс геополитического риска, построенный Dario Caldara и Matteo Iacoviello, устойчиво связан со снижением инвестиций и занятости [3], а индекс неопределённости экономической политики, предложенный Бейкером, Блумом и Дэвисом, — со спадом деловой активности [4].

Текущая конъюнктура лишь подтверждает эти выводы. По оценке МВФ, мировой рост в 2025 г. составил около 3,3 %, а на 2026 г. прогнозировался на уровне 3,3 % [5]. Затем прогноз пересматривали вниз: в апреле до 3,1% из-за конфликта на Ближнем Востоке [6], а в июльском обновлении — до 3,0 %. Тогда же Фонд повысил оценку мировой инфляции на 2026 г. до 4,7 % и указал, что рост мировой торговли замедлится до 3,5 % против 5 % годом ранее [7].

На этом фоне Узбекистан выглядит заметным исключением. По данным Национального комитета по статистике, реальный ВВП в 2025 г. вырос на 7,7 %, а номинальный объём экономики достиг 1 849,7 трлн сумов, или около 147 млрд долл. [8]. Приток денежных переводов составил 18,9 млрд долл. [9], объём освоенных иностранных инвестиций — 43,1 млрд долл. [10]. Курс на открытость закреплён в Стратегии «Узбекистан — 2030», которая ставит задачу удвоить экспорт и повысить долю частного сектора [11]. Но именно открытость делает страну чувствительной к внешним потрясениям, а доля внутренних и внешних факторов в нынешнем росте остаётся недостаточно изученной.

Теоретическая рамка исследования опирается на несколько направлений. Опыт американо-китайской торговой войны показал, что тарифы перераспределяют потоки, а их издержки в значительной мере ложатся на собственных потребителей [12]. Концепция «оружейной взаимозависимости» объясняет, почему финансовые и логистические узлы превращаются в инструмент давления [13], а анализ санкций против России демонстрирует, как соседние экономики оказываются вовлечены в перестройку торговых и миграционных потоков [14]. Для страны, живущей за счёт переводов, важны выводы о «голландской болезни», вызываемой притоком мигрантских средств [15], и классическая модель Кордена и Нири о последствиях сырьевого бума [16]. Наконец, подход Хаусмана и соавторов позволяет судить, насколько экспортная корзина защищает от шоков [17].

Цель настоящей работы — оценить масштаб и направление воздействия современных мировых политико-экономических процессов на экономику Узбекистана и обосновать меры, повышающие её устойчивость.

Методы / Methods

Исследование построено на сопоставлении международных и национальных источников за период с 2022 г. по первое полугодие 2026 г. Мировые показатели и прогнозы взяты из публикаций МВФ [5–7]; оценки по Узбекистану — из консультаций МВФ по статье IV 2026 г. [18] и обзора ЕБРР за сентябрь 2026 г. [19]. Национальные данные о ВВП, инфляции

и внешней торговле получены от Национального комитета по статистике [8, 20], сведения о трансграничных переводах — из обзоров Центрального банка [9, 21], об инвестициях и экспорте — от Министерства инвестиций, промышленности и торговли [10].

Применялись сравнительный анализ темпов роста Узбекистана и мировой экономики, расчёт относительных показателей (отношение переводов, торговли и инвестиций к ВВП, динамика в процентах и процентных пунктах) и группировка внешних факторов по каналам передачи — торговому, финансовому, миграционному, ценовому и инвестиционному [1, 2]. Значения в долларах пересчитаны по среднему курсу 2025 г. — 12 575,9 сума за доллар, как это делает статистическое ведомство [8]. Показатели за 2024 г. по внешней торговле и экспорту восстановлены обратным расчётом из опубликованных темпов прироста и помечены в таблице знаком «≈». Ограничения метода понятны: данные за 2026 г. предварительные, прогнозы разных институтов различаются, а причинно-следственные связи оцениваются по соотношению динамики показателей, а не по эконометрической модели.

Результаты / Results

Прежде всего стоит сравнить траектории роста. На рисунке 1 видно, что с 2022 г. экономика Узбекистана растёт примерно вдвое быстрее мировой: в среднем 6,5 % в год против 3,4 % за 2022–2025 гг. В 2025 г. разрыв достиг 4,4 процентного пункта (7,7 % против 3,3 %). Что особенно заметно, расхождение увеличивается именно тогда, когда мировые прогнозы снижаются: по прогнозу МВФ на 2026 г., Узбекистан вырастет на 6,8 % при мировом росте 3,0 % [7, 18], а по оценке ЕБРР — даже на 7,5 % [19]. Фактические данные пока опережают прогнозы: в первом квартале 2026 г. прирост составил 8,7 % [18], в январе–июне — 8,5 % [19].

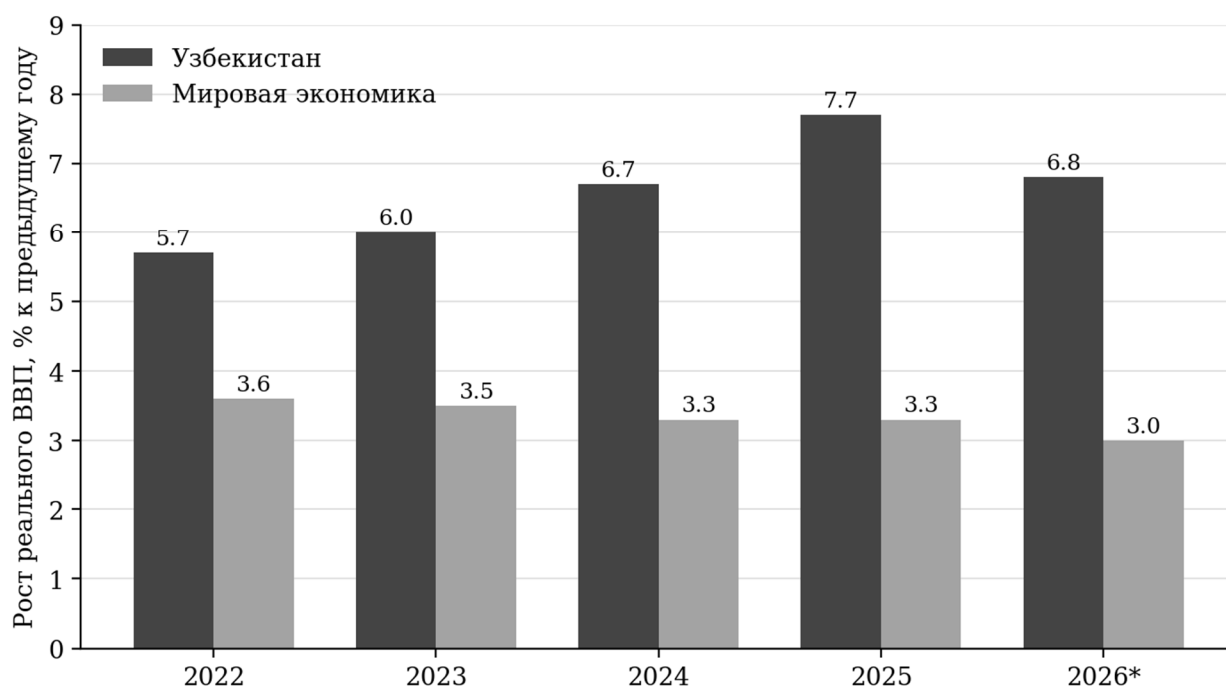


Рис. 1. / Fig. 1. Темпы роста реального ВВП Узбекистана и мировой экономики, 2022–2026 гг., %¹ / Real GDP Growth Rates in Uzbekistan and the Global Economy, 2022–2026 (%) [1]

Таблица 1 показывает, из чего складывается этот результат. Номинальный ВВП вырос в 2025 г. на 20,5 % (с 1 535,4 до 1 849,7 трлн сумов) [20], а при реальном росте 7,7 % это означает, что дефлятор составил около 12 %. Иными словами, значительная часть номинального прироста — ценовая. Внешнеторговый оборот достиг 81,2 млрд долл. (+20,7 %),

¹ Прогноз на 2026 г.: МВФ для Узбекистана (консультации по статье IV) и для мира (июльское обновление). Составлено автором по [5–8, 18].

экспорт — 33,4 млрд долл. (+23 %) [8, 10]. Отношение торговли к ВВП превышает 55 %, а экспорта — 22,7 %, то есть страна по-настоящему вовлечена в мировые рынки. Инфляция при этом снизилась с 9,8% до 7,3 % [8] — редкая комбинация ускоряющегося роста и замедляющихся цен.

Таблица 1

**Ключевые макроэкономические показатели Узбекистана, 2024–2025 гг./Key
Macroeconomic Indicators of Uzbekistan, 2024–2025**

Показатель	2024 г.	2025 г.	Изменение
Рост реального ВВП, %	6,7	7,7	+1,0 п.п.
Номинальный ВВП, трлн сумов	1 535,4	1 849,7	+20,5%
Инфляция (декабрь к декабрю), %	9,8	7,3	–2,5 п.п.
Внешнеторговый оборот, млрд долл.	≈67,3	81,2	+20,7%
Экспорт, млрд долл.	≈27,2	33,4	+23,0%
Денежные переводы из-за рубежа, млрд долл.	14,8	18,9	+27,7%

Источник / Source: составлено автором по [8–10, 20] / compiled by the author based on [8–10, 20]

Примечание / Note: показатели «≈» рассчитаны по опубликованным темпам прироста / figures marked with “≈” are calculated using published growth rates.

Главный вопрос — через какие каналы внешняя среда влияет на эти цифры. Таблица 2 систематизирует их. Самым мощным оказался миграционный: в 2025 г. переводы выросли на 4,1 млрд долл. и составили около 12,8 % ВВП, что соответствует примерно 57 % всего экспорта [9, 10]. Структура этого потока показательна: в первом полугодии 2025 г. на Россию пришлось 6,4 из 8,2 млрд долл., то есть 78 % [21], а доля переводов в совокупных доходах населения за девять месяцев выросла с 16,9% до 21,5 % [22]. Инвестиционный канал тоже работает в плюс: прямые иностранные инвестиции достигли 38,2 млрд долл., ещё 4,9 млрд долл. привлечено от международных финансовых институтов [10]; около 29 % ВВП в 2025 г. — это, по моему расчёту, доля освоенных иностранных вложений. ЕБРР отдельно отмечает, что Узбекистан стал одним из главных получателей новых прямых инвестиций в энергетику Центральной Азии [19].

Таблица 2

**Каналы передачи глобальных шоков в экономику Узбекистана и их количественная
оценка/ Transmission Channels of Global Shocks to the Uzbek Economy and Their
Quantitative Assessment**

Канал	Глобальный фактор	Показатель по Узбекистану	Оценка воздействия
Миграционный	Рост доходов мигрантов, укрепление экономик-реципиентов	Переводы 18,9 млрд долл. (+27,7 %); 78 % — из России (1-е пол. 2025 г.)	Сильный плюс в росте, высокая концентрация риска
Инвестиционный	Перенаправление капитала, интерес стран Персидского залива, Китая, Турции	Освоено 43,1 млрд долл. (+24 %), из них ПИИ 38,2 млрд долл.	Плюс; зависимость от крупных проектов

Канал	Глобальный фактор	Показатель по Узбекистану	Оценка воздействия
Торговый	Замедление мировой торговли до 3,5% в 2026 г.	Оборот 81,2 млрд долл. (+20,7 %); экспорт 33,4 млрд долл. (+23 %)	Нейтрально-положительный; рост через золото и услуги
Ценовой / сырьевой	Энергетический шок, золото на высоких уровнях	Инфляция 7,3 % (2025), 6,4 % в июле 2026 г.; дефицит текущего счёта 3,2 % ВВП в 2026 г.	Золото смягчает баланс, энергия давит на цены
Финансовый	Жёсткие условия, волатильность рынков	Госдолг около 27% ВВП; резервы покрывают свыше 12 месяцев импорта	Запас прочности высокий

Источник / Source: составлено автором по [7–10, 18, 19, 21] / compiled by the author based on [7–10, 18, 19, 21]

Ценовой канал даёт смешанную картину. Высокие мировые цены на золото улучшают внешний баланс — МВФ ожидает сокращения дефицита текущего счёта до 3,2 % ВВП в 2026 г., а резервы, по его оценке, покроют более 12 месяцев импорта [18]. Но те же внешние импульсы подогревают внутренний спрос: по данным ЕБРР, годовая инфляция в июле 2026 г. ускорилась до 6,4 %, а государственный долг к середине года составил около 27 % ВВП [19]. МВФ прямо предупреждает о риске перегрева и рекомендует Центральному банку сохранять жёсткую политику [18].

Обсуждение / Discussion

Полученные результаты можно толковать двояко. С одной стороны, они подтверждают тезис о том, что небольшая открытая экономика в условиях фрагментации способна выиграть, если сумеет остаться «нейтральной площадкой» и привлекать капитал сразу из нескольких центров силы [1, 2]. Узбекистан это делает: инвестиции идут из Китая, России, Турции, Саудовской Аравии и ОАЭ [10], а круг экспортных рынков расширился до 131 страны [10]. С другой стороны, многие источники роста носят конъюнктурный характер. Золото и переводы — это внешние ренты, а не результат роста производительности. Исследования показывают, что устойчивый приток переводов укрепляет реальный курс и смещает ресурсы из торгуемого сектора в строительство и услуги [15], а по логике модели Кордена и Нири рост одного «бумового» сектора вытесняет остальные [16]. Не случайно в 2025 г. самый высокий вклад в рост дали услуги (3,9 п.п. при росте 8,5 %) и строительство (+14,2 %) [8].

Второй блок проблем связан с концентрацией. Когда около четырёх пятых переводов поступает из одной страны, а в самой России число трудовых мигрантов из Узбекистана, по статистическим данным, сократилось примерно в 1,7 раза и приблизилось к 700 тыс. человек [22], рост доходов домохозяйств держится на ограниченном числе факторов: курсе рубля, российской миграционной политике, санкционном режиме. Опыт самой России показывает, что финансовые ограничения могут быстро менять траектории соседних экономик [14], а «оружейная взаимозависимость» делает финансовые коридоры уязвимыми для давления [13]. Значит, диверсификация направлений миграции (Южная Корея, Турция, Казахстан — уже сегодня растущие рынки [9]) важна не меньше, чем диверсификация экспорта.

Третий вопрос — качество экспортной корзины. Если оценивать её через призму экономической сложности [17], в структуре по-прежнему велика роль золота, хлопковой и текстильной продукции. Позитивный сдвиг — быстрый рост услуг: туризм принёс около 5 млрд долл., IT-услуги — 940 млн долл. [10]. Этого пока недостаточно, чтобы говорить о смене модели, но направление верное. Текстильная отрасль, где экспорт составил 2,5 млрд долл. при занятости свыше 620 тыс. человек, остаётся показательным примером: добавленная стоимость растёт лишь тогда, когда страна переходит от пряжи к готовой одежде.

Что из этого следует для политики?

Во-первых, макроосторожность: при ускорении роста до 8,5 % и инфляции выше целевого ориентира денежно-кредитная политика должна оставаться жёсткой, как и советует МВФ [18].

Во-вторых, перенаправление части переводов в долгосрочные инструменты — через накопительные и инвестиционные продукты, а не только в потребление и недвижимость [15].

В-третьих, углубление промышленной политики в сторону более сложных товаров, где логика Хаусмана и соавторов указывает на соседние, уже освоенные производственные компетенции [17].

В-четвёртых, использование завершающегося этапа присоединения к ВТО и региональной интеграции как страховки от торговых барьеров [11, 18]. Ограничения нашей работы очевидны: часть данных предварительная, прогнозы нестабильны, а связь между внешними шоками и показателями установлена на уровне сопоставления. Дальнейшие исследования имеет смысл строить на модели векторной авторегрессии с квартальными данными, чтобы выделить собственный вклад внешних факторов.

Заключение / Conclusion

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Первое: Узбекистан пока растёт быстрее мировой экономики и без видимого торможения. Реальный рост в 2025 г. составил 7,7% при мировых 3,3%, в первом полугодии 2026 г. — 8,5 %, тогда как МВФ снижает мировой прогноз до 3,0%.

Второе: наиболее мощные каналы внешнего воздействия — денежные переводы (18,9 млрд долл., около 12,8 % ВВП), иностранные инвестиции (43,1 млрд долл.) и золото. Все три благоприятны сегодня, но зависят от решений и условий за пределами страны.

Третье: главные риски — концентрация переводов на российском направлении (около 78%), перегрев при инфляции выше цели и энергетическая волатильность, пока смягчаемая низкими прямыми связями с зоной конфликта [18].

Четвёртое: устойчивость требует трёх шагов — диверсификации миграционных и торговых партнёров, перевода притока валюты в производительные инвестиции и повышения сложности экспорта. Тогда нынешняя благоприятная конъюнктура превратится из временного преимущества в долгосрочный запас прочности.

Список литературы

1. Aiyar S., Chen J., Ebeke C. H. et al. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // IMF Staff Discussion Note SDN/2023/001. — Washington, DC: International Monetary Fund, 2023.
2. Gopinath G., Gourinchas P.-O., Presbitero A. F., Topalova P. Changing Global Linkages: A New Cold War? // Journal of International Economics. — 2024. — Vol. 153. — Art. 104042.
3. Caldara D., Iacoviello M. Measuring Geopolitical Risk // American Economic Review. — 2022. — Vol. 112, No. 4. — P. 1194–1225.
4. Baker S. R., Bloom N., Davis S. J. Measuring Economic Policy Uncertainty // Quarterly Journal of Economics. — 2016. — Vol. 131, No. 4. — P. 1593–1636.
5. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update, January 2026. — Washington, DC: IMF, 2026.
6. International Monetary Fund. World Economic Outlook, April 2026. — Washington, DC: IMF, 2026.
7. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update, July 2026. — Washington, DC: IMF, 2026.
8. Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан, январь–декабрь 2025 г. — Ташкент, 2026. — URL: <https://stat.uz>
9. Центральный банк Республики Узбекистан. Обзор трансграничных денежных переводов по итогам 2025 года. — Ташкент, 2026.

10. Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан. Итоги 2025 года: инвестиции и экспорт. — Ташкент, 2026.
11. Стратегия развития «Узбекистан — 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11.09.2023.
12. Fajgelbaum P. D., Khandelwal A. K. The Economic Impacts of the US–China Trade War // *Annual Review of Economics*. — 2022. — Vol. 14. — P. 205–228.
13. Farrell H., Newman A. L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. — 2019. — Vol. 44, No. 1. — P. 42–79.
14. Gurvich E., Prilepskiy I. The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy // *Russian Journal of Economics*. — 2015. — Vol. 1, No. 4. — P. 359–385.
15. Acosta P. A., Lartey E. K. K., Mandelman F. S. Remittances and the Dutch Disease // *Journal of International Economics*. — 2009. — Vol. 79, No. 1. — P. 102–116.
16. Corden W. M., Neary J. P. Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy // *The Economic Journal*. — 1982. — Vol. 92, No. 368. — P. 825–848.
17. Hausmann R., Hidalgo C. A., Bustos S. et al. The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity. — Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
18. International Monetary Fund. Republic of Uzbekistan: 2026 Article IV Consultation. — Washington, DC: IMF, June 2026.
19. European Bank for Reconstruction and Development. Regional Economic Prospects, September 2026. — London: EBRD, 2026.
20. Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан. Динамика валового внутреннего продукта за 1991–2025 гг. — Ташкент, 2026. — URL: <https://stat.uz>
21. Центральный банк Республики Узбекистан. Обзор внутреннего валютного рынка за девять месяцев 2025 года. — Ташкент, 2025.
22. Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан. Совокупный доход населения, январь–сентябрь 2025 г. — Ташкент, 2025.

References

1. Aiyar, S., Chen, J., Ebeke, C. H., et al. (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. *IMF Staff Discussion Note SDN/2023/001*. Washington, DC: International Monetary Fund.
2. Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2024). Changing Global Linkages: A New Cold War? *Journal of International Economics*, 153, Article 104042.
3. Caldara, D., & Iacoviello, M. (2022). Measuring Geopolitical Risk. *American Economic Review*, 112(4), 1194–1225.
4. Baker, S. R., Bloom, N., & Davis, S. J. (2016). Measuring Economic Policy Uncertainty. *Quarterly Journal of Economics*, 131(4), 1593–1636.
5. International Monetary Fund. (2026). *World Economic Outlook Update, January 2026*. Washington, DC: IMF.
6. International Monetary Fund. (2026). *World Economic Outlook, April 2026*. Washington, DC: IMF.
7. International Monetary Fund. (2026). *World Economic Outlook Update, July 2026*. Washington, DC: IMF.
8. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. (2026). *Socio-Economic Situation of the Republic of Uzbekistan, January–December 2025*. Tashkent. Available at: <https://stat.uz>
9. Central Bank of the Republic of Uzbekistan. (2026). *Review of Cross-Border Money Transfers for 2025*. Tashkent.
10. Ministry of Investment, Industry and Trade of the Republic of Uzbekistan. (2026). *2025 Year-End Results: Investment and Exports*. Tashkent.
11. *Uzbekistan–2030 Development Strategy*: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-158, dated September 11, 2023.

12. Fajgelbaum, P. D., & Khandelwal, A. K. (2022). The Economic Impacts of the US–China Trade War. *Annual Review of Economics*, 14, 205–228.
13. Farrell, H., & Newman, A. L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 44(1), 42–79.
14. Gurvich, E., & Prilepskiy, I. (2015). The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy. *Russian Journal of Economics*, 1(4), 359–385.
15. Acosta, P. A., Lartey, E. K. K., & Mandelman, F. S. (2009). Remittances and the Dutch Disease. *Journal of International Economics*, 79(1), 102–116.
16. Corden, W. M., & Neary, J. P. (1982). Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy. *The Economic Journal*, 92(368), 825–848.
17. Hausmann, R., Hidalgo, C. A., Bustos, S., et al. (2014). *The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity*. Cambridge, MA: MIT Press.
18. International Monetary Fund. (2026, June). *Republic of Uzbekistan: 2026 Article IV Consultation*. Washington, DC: IMF.
19. European Bank for Reconstruction and Development. (2026, September). *Regional Economic Prospects*. London: EBRD.
20. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. (2026). *Gross Domestic Product Dynamics, 1991–2025*. Tashkent. Available at: <https://stat.uz>
21. Central Bank of the Republic of Uzbekistan. (2025). *Review of the Domestic Foreign Exchange Market for the First Nine Months of 2025*. Tashkent.
22. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. (2025). *Aggregate Household Income, January–September 2025*. Tashkent.